

Опроверженіе.

(Печатается на основаніи ст. 12-й прилож. къ ст. 114-й Уст. Цензурн.).

Въ апрѣльской книгѣ журнала „Укр. Жизнь“ помѣщена статья г. Ефремова подѣ названіемъ „На текущія темы“; въ первой своей части (стр. 53—63) она посвящена разбору доклада моего объ южно-русскомъ сепаратизмѣ, сдѣланнаго въ мартѣ с. г. въ петербургскомъ „Окраинн. О-вѣ“ и воспроизведеннаго въ томъ же мѣсяцѣ на столбцахъ газеты „Кіевлянинъ“. Г. Ефремовъ называетъ мой докладъ „лживымъ“ и „гнуснымъ“, а меня, какъ автора этого доклада, обвиняетъ въ „извращеніи прочитаннаго“, „подтасовываніи фактовъ“, „фальсифицированіи цитатъ“ и „нелѣпныхъ измышленіяхъ“. Почти одновременно познакомился я со статьей г. Ефремова въ майской книгѣ журнала, гдѣ онъ (стр. 59—64) снова возвращается къ моей статьѣ и моей личности, обвиняя меня въ „доносительно-фальсификаторскихъ подвигахъ“, въ „совершеніи подлоговъ“ и „прочихъ... предосудительныхъ дѣяній“. Тяжесть возлагаемаго на меня обвинения ставитъ меня въ необходимость дать отвѣтъ на всѣ обвинительные пункты.

Пользуясь правомъ, предоставляемымъ мнѣ ст. 12-й прилож. къ ст. 114-й Уст. Ценз. по прод. 1906 г., прошу редакцію дать мѣсто нижеслѣдующимъ объясненіямъ и поправкамъ.

Изложеніе моего доклада напечатано было въ „Кіевлянинѣ“ по соглашенію редакціи этой газеты съ „Окр. О-вомъ“, въ распоряженіе коего я предоставилъ черновыя замѣтки, служившія мнѣ пособіемъ при докладѣ. Статья появилась въ свѣтъ до моего возвращенія въ Кіевъ изъ отпуска. Поэтому, беря на себя отвѣтственность за фактическое содержаніе статьи, я лишенъ возможности сдѣлать это относительно довольно многочисленныхъ опечатокъ; я не имѣлъ также возможности внести нѣкоторыя корректурныя и редакціонныя поправки.

Обращаюсь прежде всего къ тѣмъ мѣстамъ доклада, которыя г. Ефремовъ называетъ моими „бреднями и сплетнями“.

Фраза о томъ, что въ полтавской масонской ложѣ нашли себѣ выраженіе планы отдѣленія Малороссіи отъ Россіи и что въ ложѣ этой „ораторствовалъ“ И. Котляревскій, заимствована мною изъ монографіи Л. Яновскаго „Uniwersytet Charkowski“. Kraków. 1911. Str. 128—142. Вторая половина фразы находитъ себѣ подтвержденіе и въ „основныхъ учрежденіяхъ“, выработанныхъ масонствомъ въ Германіи (въ XVIII в.), согласно которымъ особенной орденской степени было предоставлено знакомить братьевъ съ исторіей масонскаго союза, съ его цѣлями и т. д.; въ кругъ занятій этой степени входила только доктрина (Брокгаузъ - Эфронъ. „Энци. Слов.“. Спб. 1902. XXVIa, 507).

Г. Ефремовъ цитируетъ (стр. 58) мою фразу: „Грушевскій (въ 1898 г.) шлетъ въ Россію тучу приглашеній на столѣтній юбилей возрожденной украинской литературы“. Въ печатномъ текстѣ моего доклада такой фразы нѣтъ; объ указанномъ событіи я писалъ такъ:

Въ 1898 г. львовское научное общество празднуетъ 100-лѣтній юбилей выхода въ свѣтъ „Энеиды“ Котляревскаго. Грушевскій шлетъ въ Россію тучу приглашеній отъ имени „обиженного исторіей украинско-русскаго народа, второго по численности въ славянщинѣ, который поднимается изъ своего униженія“.

Пользовался я выдержками изъ текста приглашенія по брошюрѣ проф. Флоринскаго („Малор. языкъ и т. д.“. Спб. 1900), гдѣ (стр. 130) сказано:

„Товариство“ создало изъ этого „юбилея“ (столѣтней годовщины выхода въ свѣтъ „Энеиды“ К-го) большой культурный и національный праздникъ... Въ приглашеніяхъ за подписью М. Грушевскаго, какъ „головы“ юбилейнаго комитета, посланныхъ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ въ Россію, между прочимъ, сообщалось, „что украинско-рускій народъ, второй по численности въ славянщинѣ... поднимается изъ своего униженія“, что онъ „покривдженъ историчными обставинами“ и т. д.

Фразѣ моей „украинскіе клубы двухъ первыхъ Гос. Думъ издавали украинскія газетки“ г. Ефремовъ отказываетъ въ фактической достовѣрности. Я разумѣлъ здѣсь защищавшія платформу украинства газеты „Наша Дума“ и „Рідна Справа“. О клубахъ я нашелъ указаніе въ календарѣ львовск. Просвѣты на 1910 г. (стр. 103).

Вже в першій державній Думі заклала ся українська громада—український парламентарний клуб... Скоро лише зібрала ся друга Дума, ...така Громада заснувала ся в Думі. Вона почала навіть видавати у Петербурзі... свою власну газету „Рідна Справа—Вісти з Думи“.

Ср. также „Літ.-Наук. Вістн.“. 1910. IX. 542.

Къ числу фактовъ въ кавычкахъ г. Ефремовъ причисляетъ приписываемое мною „Радѣ“ сужденіе о популярности на Югѣ Россіи идеи уніи съ Римомъ. Въ моемъ докладѣ сказано, что „Рада“ грозитъ уніей съ Римомъ, которая будто бы имѣетъ „много сторонниковъ въ украинской интеллигенціи и даже въ простомъ народѣ“. Въ № 118 „Рады“ за 1911 г. статья „Про церковну мову на Україні“ заканчивается словами: „...унія з Римом знаходить собі все більше й більше прихильників серед українських інтелігентних класів й навіть в простому народі“.

Мои слова о томъ, что харьковская студенческая громада рѣшила бойкотировать невѣсть-великороссіянокъ, основаны на харьковской корреспонденціи „Рады“ (1910. 285). Корреспонденція, описывая собраніе студенческой „громады“ университета, передаетъ слова оратора г. П. о томъ, что „посеред нашего громадянства на Україні... здебільшого не має українського подружжя і не має українських родин, а це ж та початкова клітина, з якої мусить розвирнутися українське громадянське життя“. „Щирі уваги юнака П.,—поясняетъ корреспондентъ,—були ніби покликком до молоді, щоб вона дбала про українське подружжя“. По поводу вопросовъ, поднятыхъ въ собраніи, корреспондентъ добавляетъ, что тамъ „не знімалося ні дискусій, а ні суперечок, робилися лишъ уваги або додатки“.

Со статьею г. Стешенка („Южн. Зап.“, 1905. 13) я познакомился по большим выдержкамъ изъ нея въ „Гражданинъ“ (1905. 29); дѣлая о ней замѣтки, я отмѣчалъ кавычками сущность программы г. Ст. (какъ я ее понималъ), чтобы не смѣшать съ нею умозаключеній референта. По корректурному недосмотру моему (коего причины я указывалъ) кавычки попали, къ сожалѣнію, въ печать, но самая интерпретація моя является лишь выводомъ изъ словъ г. Ст., начиная съ того мѣста его статьи, гдѣ авторъ говорить о „самой широкой автономіи для всѣхъ народностей Россіи“.

„Эта (автономія), по словамъ г. Ст., не ведетъ, однако, къ тому, въ чемъ такъ безмысленно обвиняли не разъ украинцевъ, т.-е. къ сепаратизму, отдѣленію Украины отъ Россіи. Украинцы прежде всего стремятся къ единенію, и потому идеальная форма государственнаго строя есть для нихъ федерація. Эта форма укрѣпилась въ стремленіяхъ украинцевъ еще съ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка, т.-е. со времени Кир.-Меѣ братства, и съ теченіемъ времени выросла въ ихъ сознаниі все больше. Этому стремленію нисколько не противорѣчатъ недавно появившіеся толки о „незалежности“ Украины. Но эта только какъ-будто „незалежность“ выставляется только, какъ переходная ступень къ федеративности и, во всякомъ случаѣ, есть дѣло слишкомъ отдаленнаго будущаго. Вызвано это стремленіе тяжелымъ положеніемъ украинской народности въ Россіи, но вѣдь такое положеніе не вѣчно. Оно безусловно будетъ улучшаться и въ далекомъ или недалекомъ будущемъ дойдетъ до такого хорошаго состоянія, что говорить о „незалежности“ не придется. Такъ, по нашему мнѣнію, разрѣшается вопросъ о послѣдней, которая къ тому же есть достояніе умовъ немногихъ. Во всякомъ же случаѣ степень федеративныхъ стремленій Украины всецѣло зависитъ отъ степени благопріятной для нихъ политики Россіи; чѣмъ больше будетъ въ Россіи благопріятныхъ условий для развитія украинскаго народа, тѣмъ больше будетъ дорожить этотъ народъ связью со всей Россіей, гарантирующей ему свободное національное и вообще политическое существованіе“.

Называя эту „только какъ-будто независимость“ достояніемъ умовъ немногихъ и дѣломъ отдаленнаго будущаго, г. Стешенко готовъ отъ нея вовсе отказаться, если связя украинскаго народа съ Россіей будетъ гарантировать этому народу свободное національное и политическое существованіе; при иномъ положеніи дѣла, независимость выставляется, какъ переходная ступень къ федеративности; федерація же есть идеальная форма государственнаго строя для украинцевъ по той причинѣ, что они стремятся къ единенію. Вотъ тѣ тезисы г. Стешенка, которые легли въ мою фразу: „...потомъ независимости, но лишь какъ переходной ступени къ федераціи Южной Россіи съ Галиціей“.

Въ послѣднихъ пяти словахъ я передалъ мысль г. Ст. такъ, какъ я ее понималъ по его фразѣ: стремленіе украинцевъ къ единенію.

Г. Ефремовъ приводитъ изъ моего доклада цитату объ „основномъ тезисѣ“ проф. Грушевскаго, какъ исторіографа Украины, и ставитъ ее въ параллель съ подходящимъ текстомъ изъ сочиненія самого г. Грушевскаго. Приведенное мною опредѣленіе заимствовано между тѣмъ изъ „Рады“ и лишь дополнено упоминаніемъ объ антахъ.

Источники:

„Київська держава, його (?) право, побут і культура були утвором української національності“... „право і культура ці в великоруській народности з'являються тільки, якъ

У меня сказано:

Основной его (Грушевскаго) тезисъ таковъ: „Законы, бытъ и культура кievскаго великокняжескаго періода были созданиемъ не русской, а особой украинской народности,

рецепція, так як, напр., культура візантійська, або польська в життю українського народу "... вся суть думок проф. Грушевського над історією України зконцентрувалась в цій імені тезі („Рада“. 1910. 286).

„В Антах маємо предків українсько-руських племен“ (Груш. М. „Іст. Укр.-Руси“. Т. I. Выд. П. Львів. 1904. Стр. 156).

Если бы не спѣшность составления замѣтокъ для доклада, то я, конечно, включилъ бы эпитетъ „миѣическихъ“ въ скобки, но и при настоящемъ положеніи дѣла трудно предположить, чтобы я или мои слушатели (resp. читатели) приписали такую квалификацію антовъ самому профессору.

Украинское слово „право“ переведено мною чрезъ „законы“, согласно Словарю Б. Гринченка (III. 400).

Г. Ефремовъ ставитъ другое мѣсто моего доклада въ параллель съ отрывкомъ статьи г. Грушевскаго изъ № 3 журн. „Укр. Вѣстникъ“ за 1905 г. Журнала этого я не имѣлъ подъ руками, а заимствовалъ свои цитаты изъ другаго сборника, гдѣ авторъ эту статью перепечаталъ. Цѣлаго разсужденія я, по его величинѣ, процитировать въ докладѣ не могъ и ограничился выдержками, сохраняющими въ полной неприкосновенности мысль автора о слабой силѣ сдѣпленія между отдѣльными народностями Россіи.

Груш. М. „Освобожд. Россіи и т. д.“
Стр. 60.

Мой докладъ („Кіевлянинъ“. 76).

Теперь, когда возставшій народъ разбиваетъ двери всероссійской бастиліи, тюремщики поднимаютъ крикъ, пугая народъ тѣмъ, что, въ случаѣ ея разрушенія, готовы разбѣжаться всѣ эти заключенныя „княженія и царства“, „покоренные народы“, и эти крики дѣйствительно вызываютъ извѣстное впечатлѣніе среди массъ, столько вѣковъ воспитанныхъ въ упоеніи своего „господства“. Представители „покоренныхъ народовъ“ отвѣчаютъ увѣреніями, что они... останутся вѣрными единству и нераздѣльности Россіи. Такія заявленія повторяются въ послѣднее время на разные лады, какъ со стороны угнетенныхъ народностей, такъ и сочувствующихъ имъ представителей русскаго общества, увѣряющихъ, что эти народности отнюдь не хотятъ выйти изъ состава Россійскаго государства и не выйдутъ, что они дорожатъ единствомъ Россіи и т. д. Я думаю,

Сопричисливъ украинцевъ въ Россію къ „покореннымъ народамъ“, г. Грушевскій указываетъ на „неубѣдительность увѣреній представителей этихъ народностей, что они останутся вѣрными единству и нераздѣльности Россіи; неосновательны такія заявленія и со стороны сочувствующихъ имъ представителей русскаго общества“.

однако, что эти увѣренія.. не имѣютъ ни для кого особой убѣдительности.. Увѣренія, хотя бы и клятвы на кандалахъ, которыя даются невольниками предъ выпускомъ ихъ на свободу, не внушаютъ никогда особаго довѣрія. Жизнь идетъ и развивается, и своею стихійною силою беретъ верхъ надъ трактатами и формулами.. Полная самостоятельность и независимость является послѣдовательнымъ, логическимъ завершеніемъ запросовъ національнаго развитія и самоопредѣленія всякой народности, занимающей опредѣленную территорию и обладающей достаточными задатками и энергіею развитія.

Свое мнѣніе о томъ, что профессоръ распространяетъ психическія переживанія „покоренныхъ народовъ“ и на украинцевъ, я составилъ, основываясь на содержаніи всей упомянутой статьи; поэтому мною и употребленъ глаголь „сопричисливъ“, а не „назвавъ“ или „отождествивъ“. На упрекъ г. Ефремова, что я „оборвалъ фразу г. Грушевскаго на полусловъ“ и „скрылъ отъ читателя цѣлыя страницы, на которыхъ авторъ развиваетъ свое положеніе о томъ, чѣмъ можетъ быть сохранено единство Россіи“,—я могу отвѣтить, что я привелъ (въ связной формѣ и, надѣюсь, безъ ущерба для смысла) лишь выдержки изъ нѣсколькихъ фразъ г. Гр. исключительно ради экономіи времени, какимъ я располагалъ для доклада; цитатъ изъ слѣдующихъ страницъ статьи г. Гр., трактующихъ объ единствѣ Россіи, я не приводилъ уже потому, что эти цитаты выходили бы изъ рамокъ моей темы—объ единствѣ русскаго народа.

Г. Ефремовъ протестуетъ противъ моего утвержденія, что „Заповіт“ Шевченка направленъ противъ великороссовъ (москалей). Мое мнѣніе, однако, не является единичнымъ. Украинофилъ М. Лободовскій пишетъ, что „співанья“ („Заповіту“ Ш—ка) хороше; але не слід, як на мою думку, співати весь „Заповіт“, а кінчаты словами; „як реве ревучий...“, щобъ не дратувати а ні орударства, а ні велькоруссів, а ні ворогівъ украинства“ („Переглядъ п. „Марія“. Харьковъ. 1910. Стр. 68). Извѣстный писатель, другъ и менторъ Шевченка П. Кулишъ, приведя вариантъ трехъ строкъ изъ его „Заповіта“ [„Як понесе славутиця у Чорнее море кров ворожу...“ вмѣсто редакціи болѣе распространенной „Як понесе (Дніпро) з України у синее море кров ворожу...“], замѣчаетъ: „Яку вже се кров ворожу, якого се ворога кров мусив бы Дніпро-славутиця нести в Чорне море и за що, про се спитайте в кого россудливого, а не в такого божевильнѣго, якимъ був Шевченко при своему кгеніальнѣму дарі слова“ (Полн. собр. соч. Кіевъ. 1909. Т. III. Примѣч. Стр. 28—29).

Г. Ефремовъ справедливо указываетъ мнѣ, что въ стихотвореніи Франка „Не пора“ не имѣется фразы: „Народъ украинскій возстанеть, встряхнетъ Кавказомъ и Карпатами и прокатитъ по Черному морю кличъ свободы“, каковую фразу я отнесъ къ этому произведенію поэта. Охотно признаю свою ошибку: слова эти у Франка есть, но въ другомъ стихотвореніи (см. Крушельницкій А. „Іванъ Франко. Поезія“. Коломия. Стр. 237). Оговариваюсь притомъ, что вмѣсто видоваго понятія „Бескидь“, стоявшаго въ текстѣ, мною употреблено родовое понятіе „Карпаты“, выясняющее смыслъ цитаты.

Въ первой статьѣ своей г. Ефремовъ высказываетъ увѣренность (стр. 56), что я, выступая со своимъ докладомъ, „собираюсь поразить сепаратизмъ“. Задача моя въ дѣйствительности гораздо скромнѣе: она состоитъ въ характеристикѣ украинскаго движенія, въ попыткѣ освѣтить его этиологическіе моменты и указать на желательность профилактическихъ законодательныхъ мѣръ противъ нѣкоторыхъ патологическихъ формъ этого движенія.

Въ той же статьѣ г. Ефремовъ, обвиняя меня въ цѣломъ рядѣ неблаговидныхъ проступковъ, усматриваетъ (стр. 62) у меня желаніе „при этомъ прикрываться служебнымъ положеніемъ и даже пользоваться имъ какъ щитомъ“. Заявляю опредѣленно, что я выступилъ со своимъ публицистическимъ рефератомъ (докладомъ) не въ качествѣ чиновника, а въ качествѣ рядоваго обывателя Южной Россіи; во вступленіи къ докладу я упомянулъ о моей службѣ (въ вѣдомствѣ по дѣламъ печати) съ единственною цѣлью объяснить знакомство мое съ нѣкоторыми произведеніями печати, которыя легальнаго обращенія въ Россіи не имѣютъ.

Пересмотръ всѣхъ обвинительныхъ пунктовъ сводить, такимъ образомъ, критику г. Ефремова къ уличенію меня въ 2—3-хъ редакціонныхъ и корректурныхъ недосмотрахъ. Полагаю, что такіе формальные дефекты, мелкіе и несущественные, даютъ слишкомъ недостаточный и даже неподходящій матеріалъ для предьявленія мнѣ обвиненій въ „гнусности“, „лживости“ и „подлогахъ“.

Сергѣй Щеголевъ.

Кіевъ.
1-го іюня 1912 г.
